

\* \* \*

В этом году не собрали листья,  
и стулья с улицы не в подвале;  
зеленый зонт тоже не выстирали —  
так и оставили, даже не сняли.  
Старуха-соседка из дома напротив  
снова в больнице. Темнеют окна.  
В небе малюсенький самолетик  
неаккуратно летит в Марокко.

А там в Танжере лежат апельсины:  
лежат на дороге, но лень наклониться;  
там женщины яркие, но некрасивы  
(сам я не видел — со слов очевидца)  
Взять бы, махнуть бы — и *hasta la vista* —  
селфи сделать на Гибралтаре!  
Но в этом году не собрали листья,  
и стулья с улицы не в подвале.

Есть только облака и чернозем —  
и тонкая прослойка между ними,  
где мы с тобою связаны узлом  
с такими же червями дождевыми.  
Ты скажешь: участь? Отвечаю: часть —  
частицей быть, коротким междометьем;  
из грязи в князи — и обратно в грязь  
рассыплемся, сплетаясь — и не заметим.  
Ты скажешь: прочерк? Отвечаю: честь  
быть между двух разрозненных вселенных,  
скрепляя их с червями вместе здесь,  
где облака и чернозем мгновенны.  
Вот я дышу — и ты дыши пока,  
и пусть другие дышат вместе с нами,  
связуя чернозем и облака  
на краткий миг надежными узлами.

### Памяти маленького музыканта

Мне приснилось: я играю Массне —  
я настраиваю скрипку во сне;  
темноту, что с неба сходит, клубя,  
я настраиваю против себя.  
Это только бесконечный урок:  
не проснешься, не надышишься впрок;  
не вернешься, не удержишь в руках  
затерявшееся время в веках.  
Мама, начал я не с той стороны:  
шарил пальцами по вене струны —  
но ни пульса не нашел, ни вины,  
чтобы звуки — за четыре стены.  
Тишина окрест во всех уголках:  
нету толка в деревянных колках —  
это только снится, если Массне,  
а проснешься — не проснуться во сне.  
Что там струн моих неверный натяг? —  
этот строй уже не вспомнить никак:  
только водишь сиротливым смычком  
будто в прятки водишь в доме пустом.  
Застывает время в нотных листах,  
ни мелодией, ни жизнью не став.

### Из Нового Света

Когда по небу белой полосой  
летишь, летишь, пространство распечатав,  
кто пожалеет горизонт пустой  
одной тоской соединенных штатов?  
Кто этот материк в лесных заплатах,  
простроченных дорогой скоростной,  
объяв — поймет, и приютит — заплакав,  
и пустит, пустит в сердце на постой?  
Не торопись. Не ерничай. Постой.  
Смотри, как ровны, выпуклы, покаты  
огни, огни дуги береговой  
среди печали звездно-полосатой.  
Смотри, как острова замысловаты:  
как с этой стороны темно, а с той —  
закат, закат склонился виновато  
тяжелым солнцем над травой простой.

### Псалом 140 (Psalm 141)

Господи, возвах Тебе, услышь мя!  
Что же я один во тьме кромешной?  
Прожил, никому не нужный, лишний.  
Даже там, где вырос — был нездешний.  
Пригоршнями я сгребал поспешно  
угольки в едва остывшей ране;  
этих линий контуры сотрешь ли?  
сохранишь ли, как бывало ране?  
В назиданье или в состраданье —  
или просто потому что нежный:  
как ладонь Ты называешь — дланью,  
как Ты веки называешь — вежды.  
Господи, возвах Тебе, услышь мя!  
укажи дорогу мне до берега —  
где вечерней жертвой возлежишь на  
черством небе мартовского снега.  
Все, что до и после, — бессловесно,  
потому услышь мя где-то между:  
может оттого, что интересно, —  
или просто потому что нежный.

### Памяти В.М.Л.

\* \* \*

Заметил ты, как схожи невтопад  
с огнями звезд окошки городские?  
Как серебристы млечных эстакад  
огни потусторонние, пустые?  
Как удивленно с угасаньем дня  
меняется пространства перспектива?  
Как горизонта линия плаксива?  
Закрой глаза, смотри — она в огнях.  
Погаснет день: поблекнув, догорят  
все звуки голосов, слова простые —  
река покроем рябью все подряд,  
и фонари застывшие остынут.  
Смешаются в одном предсмертном сне  
с огнями звезд, и с огоньками окон  
и день, и ночь; и бабочка, и кокон —  
закрыв глаза, увидишь их ясней.  
Вдоль серебристых млечных эстакад  
в последнем сне за горизонтом тая,  
заметишь ли, как схожи невтопад  
и яркий свет, и темнота слепая?

Пока я спал, все снегом занесло:  
я вышел посмотреть на то, как снегом  
все занесло и спутал землю с небом,  
и растеряв слова стоял без слов.  
Вот снег, и снег: и края нет, — края  
вдоль-поперек которого, мы бродим  
с тобой на пешеходном переходе —  
с земли на небо, милая моя.  
Так все внезапно снегом занесло,  
что смысл потерялся в переводе:  
и то, что было словом — стало вроде  
бы и не словом, а, скорей, числом.  
Числом, в котором нужно на вокзал  
спешить с утра. Ты радовалась знакам,  
все перемножив. Я, сложив, заплакал:  
хотел сказать тебе, но промолчал.  
Ты выдумала мир, в котором я  
не помещался, спутав землю с небом,  
но я проснулся — все покрыто снегом  
с земли до неба, милая моя.

### Запах яблока и апельсина

Возвратиться в свои палестины,  
прокатиться туда-обратно;  
запах яблока и апельсина  
в грубой тумбочке прикроватной.  
Запах детства, превью сиротства  
с бородой непременно ватной,  
где настенных газет уродства;  
коридоры, углы, палаты.  
Вот березка, а с ней рябина,  
да над речкой висят ракиты:  
те же яблоки-апельсины  
позабытые — не забыты.  
Здесь погосты весной, как грядки:  
посмотри, ни одной оградки —  
надо ж так заиграться в прятки,  
чтоб исчезнуть совсем, ребятки.  
Это яблоки и апельсины —  
не противься, не бейся, сдайся:  
возвратиться в свои палестины  
не получится, не пытайся.  
То березка, а то рябина —  
то опять над рекой ракита;  
все струится моя тропинка  
позабытая — не забыта.  
Только память плодит плаксиво  
эхом спятившим, — многократно:  
запах яблока и апельсина  
в грубой тумбочке прикроватной.

Не бойся ничего. Мне страшно самому.  
Щербленая луна опять кривится в кашле,  
но отраженный мир в ночном окне — не наш ли?  
А тот, что за окном, — не вторит ли ему?  
Не бойся ничего: похоже по всему,  
что с темнотой давно заводит время пашни,  
и часовые сна не стерегут на башне  
часы, а все идут. Идут по одному.  
Не бойся ничего. Хотя до слез пройму  
тебя тоской о том, какой я тоже зряшный,  
что жарко и темно, как в битве рукопашной —  
и не забрать с собой ни сумму, ни суму.  
Не бойся ничего. Я тоже не пойму,  
что силится ожить в наброске карандашном:  
попробуй толковать! Сторает день вчерашний,  
и мы, в который раз, не плачем по нему.  
Не бойся ничего. Наверно, потому,  
что мысли не страшны, а домыслы не страшны.  
В истошной тишине — все звуки беспшашны.  
Не бойся, ничего. Мне страшно самому.

\* \* \*

Время лечит, но не берет ни одной страховки,  
не выезжает на дом —  
и не принимает в офисе,  
не присылает ампулы в глянцевой упаковке,  
и о здоровье вашем не беспокоится вовсе.  
Когда кончаются силы настолько, что вы готовы  
выброситься из собственного тела,  
как с балкона высотки,  
оно не приедет на скорой, чтобы уговаривать вас с мегафоном  
вернуться обратно в комнату,  
отойти от решетки.  
Согласитесь, что это важно, чтоб кто-то позвал вас обратно;  
чтобы кто-то сказал:  
полет отменен, задержан, отложен.  
Но время —  
оно не повязано клятвою Гиппократы —  
оно не поможет.  
Когда на вокзальную площадь ложится вечер,  
я иду и вижу бесцветных людей, лежащих у самого края —  
какой-то придурок в моей голове говорит мне, что время лечит,  
но я-то знаю.

\* \* \*

Я не знаю название деревьев и звезд имена не знаю.  
Я с трудом понимаю законы, что движут мою машину.  
Если ехать все время прямо, я знаю, — приедешь к краю  
океана, где встречный ветер тутую несет парусину.  
До сих пор не могу понять, как же ходят они против ветра,  
и не знаю, как чайки умеют висеть там, где волны дышат.  
Иногда я зову имена живых, только нет ответа.  
И тогда я шепчу имена ушедших — и что-то слышу.